

МОНАХИ ВЪ СТАРОЙ ВАРШАВѢ.

Монахи занимали видное мѣсто въ жизни прежней Варшавы—г княжеской, и королевской, особенно съ начала XVII вѣка, когда съ легкой руки богомольнаго до ханжества Сигизмунда-Августа III число монастырей стало быстро возрастать, такъ что къ XVIII вѣку ихъ было въ Варшавѣ 24 съ братіею, доходившею до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.¹⁾ Населеніе Варшавы въ XVII—XVIII вѣкахъ колебалось подъ воздѣйствіемъ частыхъ моровыхъ повѣтрій, шведскихъ набѣговъ и т. п. между 14000 (въ 1624 году по подсчету г. Хлѣбовскаго, „Геогр. слов.“, XIII, 71) и 30000 чел. (въ началѣ царствованія Станислава-Августа, какъ о томъ заявилъ Нарушевичъ въ рѣчи, произнесенной на четырехлѣтнемъ сеймѣ 13 октября 1789 г.), такъ что монашествующіе составляли, повидимому, въ общемъ чуть ли не болѣе десятой части общей цифры жителей польской столицы. Владѣя значительными земельными угодіями въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ и воздѣйствуя на населеніе черезъ конфессіоналъ, монахи оказывали большое вліяніе на городскую жизнь и нравы. Хотя монахамъ и подобало бы, казалось, сидѣть въ стѣнахъ своихъ обителей, въ сторонѣ отъ мірскихъ соблазновъ, но въ дѣйствительности они, за рѣдкими исключеніями, мало цеклись о „спасеніи своихъ душъ“, а за то принимали дѣятельное участіе въ повседневной суетѣ суетъ, создавая иной разъ громкія „исторіи“, которыя дали имъ право на видное мѣсто и въ исторіи старой Варшавы.

Старѣйшимъ изъ монашескихъ орденовъ въ Варшавѣ былъ орденъ августинцевъ, которые владѣли костеломъ св. Мартина на Пивной

¹⁾ Источниками для этого очерка послужили данныя, заключающіяся въ трудахъ польскихъ изслѣдователей варшавской старины Вейнера („Starożytności Warszawuy“), Бартошевича (Kościoły warszawskie), Пшиборовскаго („Z przeszłości Warszawuy“), Гомулицкаго („Opowiadania o starej Warszawie“) и другихъ.

улицѣ, построеннымъ въ 1356 г. княземъ мазовецкимъ Земовитомъ. По преданію, этотъ князь пожертвовалъ костелу икону Скорбящей Богоматери, византійскаго письма, которая вскорѣ прославилась среди варшавянъ чудесами. Когда въ 1478 году пожаръ, начавшійся на улицѣ Дунай, уничтожилъ всю Пивную улицу, а также и костелъ, отъ котораго остались лишь стѣны, икона эта чудесно уцѣлѣла. То же повторилось и въ 1669 году, во время пожара, уничтожившаго улицы Пивную, Пекарскую и Кривое Коло.

9 іюня во время сѣзда шляхты на выборы короля Михаила подрались вечеромъ изъ-за квартиры литовскіе „пахолки“. Дѣло дошло до сабель, а затѣмъ въ драку вмѣшались и паны. Во время этой суматохи на улицѣ Дунай вспыхнулъ пожаръ, который некому было тушить, такъ какъ бой на улицѣ продолжался съ большимъ ожесточеніемъ. Августинцы хотѣли, какъ гласитъ преданіе, вынести икону Богоматери, но какая-то сила не допустила этого. Послѣ напрасныхъ попытокъ монахи оставили икону на ея обычномъ мѣстѣ. Въ это время,—говоритъ легенда,—надъ костеломъ появилась Пресв. Дѣва и заслонила его своимъ плащемъ. Вслѣдствіе перемѣны направленія вѣтра пожаръ пересталъ распространяться въ сторону костела, уничтоживъ сосѣдніе съ нимъ дома.

Земовитъ кромѣ иконы подарилъ августинцамъ много земельныхъ участковъ около Варшавы и восемь деревень, въ томъ числѣ Цегловъ, за Вислой. Жертвовали на монастырь и богатые варшавскіе обыватели, такъ что августинцы жили сначала въ полномъ довольствѣ, но сто лѣтъ спустя послѣ основанія костела ихъ постигла большая бѣда. Жена плоцкаго князя Владислава I Анна Мазовецкая, не любившая почему-то августинцевъ, основала госпиталь Св. Духа на земляхъ, отобранныхъ у нихъ и находившихся рядомъ съ костеломъ. На этихъ земляхъ помѣщались монастырскій садъ и часть кладбища. Управление госпиталемъ княгиня Анна поручила ксендзамъ кафедральнаго костела Св. Іоанна, и тѣ отобрали у августинцевъ почти всѣ ихъ деревни, обративъ доходъ съ нихъ на содержаніе госпиталя.

Съ той поры началась продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ вражда августинцевъ и ксендзовъ костела Св. Іоанна. Августинцы, обиженные этими ксендзами, скоро опять стали богатѣть, такъ какъ варшавяне считали своимъ долгомъ помочь пострадавшимъ отъ несправедливости монахамъ. Мазовецкая шляхта тоже присылала августинцамъ щедрые дары, а монахи за то предоставляли ей въ стѣнахъ своего монастыря

помѣщеніе для „сеймиковъ“. Но обиды со стороны свѣтскихъ ксендзовъ августинцы забыть не могли...

Въ XVII вѣкѣ августинцы опять такъ разбогатѣли, что не только разукрасили костель, но и содержали при немъ оркестръ музыки и „много набожныхъ женщинъ и вдовъ“... Но несмотря на свое богатство монахи эти отличались большой жадностью. Во время великаго поста они по обычаю получали отъ магистрата Стараго Мѣста бочку селедокъ. Въ 1627 году магистратъ выдалъ имъ стоимость этихъ селедокъ деньгами, а въ 1628 году не прислалъ ничего. Августинцы разсердились на магистратъ и такъ назойливо начали приставать къ нему съ требованіемъ селедокъ, что тогдашніе „отцы города“ рѣшили никогда ничего августинцамъ не давать. Тогда августинцы стали униженно просить магистратъ не обижать ихъ и въ 1629 г. опять получили бочку съ сельдями.

Вражда съ ксендзами костела Св. Іоанна, не угасавшая въ теченіе столѣтій и проявлявшаяся въ постоянныхъ „подсиживаніяхъ“ другъ друга, обострилась въ 1614 году. Въ стѣнѣ, отдѣлявшей костель отъ госпиталя Св. Духа, была дверь, слѣды которой имѣются до сихъ поръ въ костельной „сакристіи“. Пріѣхавшій въ Варшаву генеральный викарій августинцевъ велѣлъ заложить эту дверь и, чтобы было „прочіѣ“, поставилъ около нея алтарь въ честь св. Вильгельма. Капитулъ костела Св. Іоанна, считавшій пользованіе этою дверью своею привилегією, пожаловался папскому нунцію, но тотъ ничѣмъ помочь не могъ, такъ какъ августинцы объяснили, что дверь пришлось заложить потому, что иначе они не могли бы осуществить свое благочестивое намѣреніе—поставить алтарь въ честь св. Вильгельма. Тогда кафедральные ксендзы позвали людей и велѣли имъ разрушить стѣну и алтарь. Августинцы сидѣли за обѣдомъ, когда ксендзы пошли на приступъ. Они бросились защищать костель, пріоръ велѣлъ бить въ набатъ, а на разрушаемомъ алтарѣ поставилъ Св. Дары. Со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ съ палками, косами, дубинами... Ксендзамъ пришлось уступить. Генеральный викарій требовалъ отъ нунція отлученія ксендзовъ отъ церкви, но нунцій на это не согласился и пригрозилъ отлучить августинцевъ. Дѣло доходило до сейма, но и тамъ не было рѣшено и было передано въ Римъ...

Въ 1628 году, въ тотъ самый годъ, когда магистратъ не далъ августинцамъ бочки сельдей, на монастырь свалилась новая бѣда со стороны іезуитовъ, обосновавшихся рядомъ съ костеломъ Св. Іоанна

и строившихъ тамъ свой костель. Но постройка подвигалась медленно вслѣдствіе отсутствія средствъ, и іезуиты задумали завладѣть костеломъ Св. Мартина. Чтобы достигъ этого, іезуиты пустились на хитрость. Они подговорили одну изъ тѣхъ „вдовушекъ“, о которыхъ такъ заботились августинцы, заказать имъ заупокойное богослуженіе по ея покойномъ мужѣ, а затѣмъ пригласить ихъ къ себѣ на обѣдъ. Послѣ богослуженія всѣ монахи съ пріоромъ во главѣ отправились къ „вдовушкѣ“, оставивъ въ монастырѣ одного лишь „брата Фуртіана“ (привратника), но ему, очевидно, скучно было сидѣть одному, такъ какъ, когда пришелъ одинъ изъ іезуитовъ и сказалъ, что пріоръ приглашаетъ на пиръ также и достопочтеннаго „Фуртіана“, тотъ побѣжалъ къ „вдовушкѣ“, оставивъ монастырь на попеченіе іезуита, благосклонно согласившагося посидѣть у входа и покарать.

Другіе іезуиты только этого и ждали. Они явились въ монастырь и заняли его подъ предлогомъ, что онъ-де никому не принадлежитъ, такъ какъ никакихъ обитателей въ немъ нѣтъ.

Благодушествовавшій на поминальномъ обѣдѣ пріоръ пришелъ въ полное недоумѣніе, увидѣвъ, что и „братъ Фуртіанъ“ появился среди пирующихъ, но недоумѣніе перешло у него въ ярость, когда онъ узналъ, что „Фуртіана“ сманилъ іезуитъ, передавъ ему приглашеніе отъ пріора. Бросивъ обѣдъ, пріоръ вмѣстѣ съ монахами спѣшить въ монастырь, но войти въ него не можетъ: іезуиты заперлись въ немъ и „постороннихъ“ впускать не желаютъ. Не помогаютъ ни просьбы, ни уговоры. Іезуиты не уступаютъ, а собравшаяся на необычное зрѣлище толпа хохочетъ и издѣвается надъ попавшими впро�акъ августинцами. Наступаетъ вечеръ, а августинцы все еще на улицѣ. Наконецъ пріоръ рѣшаетъ размѣстить братію у „вдовъ“ и „благочестивыхъ женщинъ“, а на другой день начинаетъ процессъ, обвиняя іезуитовъ въ разбойномъ нападеніи. Дѣло дошло до Рима, и оттуда пришелъ приказъ іезуитамъ возвратить монастырь августинцамъ, причемъ папа „къ вѣчному стыду іезуитовъ“ велѣлъ имъ ежегодно 5 мая совершать торжественную мессу въ присутствіи всей іезуитской братіи съ проповѣдями утромъ и послѣ полудня.

Противоположностью августинцевъ, любившихъ хорошо покушать и покровительствовавшихъ разнымъ „вдовицамъ“, были бернардины, именовавшіеся также „меньшою братією“ и „обсервантами“. Бернардины отличались строгимъ соблюденіемъ своего устава, и поѣтому варшавское населеніе относилось къ нимъ съ большимъ уваженіемъ,

а объ ихъ монастырѣ съ храмомъ во имя св. Анны сохранилось нѣсколько благочестивыхъ легендъ.

Одна изъ нихъ относится ко времени постройки костела и находившагося при немъ монастыря *fratrum minorum observantium*. Начало монастырю было положено въ 1454 году княгиней мазовецкой Анной, по просьбѣ которой были присланы св. Яномъ Капистраномъ изъ Кракова о. Іаковъ изъ Глоговы съ шестью братьями. Когда начали строить костель, то, какъ гласитъ монастырская хроника, составленная въ 1775 году о. Антоніемъ Кунномъ на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „*Julera antiquitatis et posteritatis id est Archivum conventus varsaviensis fratrum min. observ. ad. S. Annam in suburbi Cracoviensi*“—рабочіе, копавшіе фундаментъ, никакъ не могли добраться до прочнаго грунта и уже хотѣли въ отчаяніи бросить работу, но имъ явилась св. Анна, Матерь Пресвятой Богородицы, и велѣла имъ копать еще глубже, гдѣ они и нашли твердый грунтъ.

Въ 1462 году въ бернардинскій монастырь въ Варшавѣ вступилъ Ладиславъ изъ Гельнева (*Gielniów*), находящагося нынѣ въ Опоченскомъ уѣздѣ (тогда—въ Сандомирскомъ воеводствѣ). Юноша незнатнаго рода (отецъ его Петръ былъ простымъ мѣщаниномъ) пылалъ живою вѣрою къ Богу и обладалъ поэтической впечатлительною душой. Въ ранней юности Ладиславъ (въ міру—Янъ) отправился въ Краковъ и слушалъ тамъ въ академіи курсъ богословія. Время свое онъ дѣлилъ между школой и храмомъ Божіимъ. Особенно любилъ онъ слушать поученія св. Яна Капистрана, имѣвшаго громадное вліяніе на краковскую молодежь, что видно хотя бы изъ того, что изъ учившихся въ академіи юношей 130 человекъ поступили въ новый тогда орденъ бернардиновъ. Почему Ладиславъ избралъ варшавскій монастырь, неизвѣстно. Быть можетъ, его привлекала тишина жизни тогдашней Варшавы. Постригшись 1 августа, Ладиславъ написалъ въ благодарность Господу Богу латинскіе стихи, сохранившіеся въ упомянутой выше хроникѣ:

Anno milleno quadrinsexique secundo
Vincula ad almi Petri accepi vincula claustrī,
Me Petrus genuit Gelniovin, Petrus et almus
Clastro me clausit, solus mea vincula solvit,
Gratias reddo Deo, cantando cum cytharista:
O Deus! erupisti jam mea vincula cuncta,
Ut bene perficiam gratia sit misera.

Вообще Ладиславъ любилъ прибѣгать къ стихотворной формѣ для выраженія своихъ благочестивыхъ мыслей и чувствъ. Онъ первый

сталъ писать польскіе стихи, и потому является первымъ польскимъ поэтомъ. Стихотворенія Ладислава пользовались большимъ распространеніемъ, и нѣкоторыя изъ нихъ были переведены на чешскій языкъ. Между прочимъ, Ладиславъ изложилъ въ стихахъ десять заповѣдей. Вотъ начало этого переложенія:

Słuchaj tego wszelka głowo,
Napisz to w swym sercu słowo:
Pełnij Boże przykazanie,
Byś nie wszedł w piekielne łkanie...

Но, не какъ первый польскій поэтъ, оставилъ по себѣ память Ладиславъ среди варшавянъ, а какъ святой, чтимый ими патронъ города.

Онъ „такъ сильно приковалъ себя къ службѣ Божіей,—разсказываетъ его біографъ,—что не отступилъ отъ нея до самой смерти“; онъ былъ „ангельской чистоты цвѣткомъ“, послушнымъ, строго хранившимъ обѣтъ нищеты, „для всѣхъ пріятнымъ; а для ада страшнымъ и противнымъ“. Ладиславу поручены были обязанности проповѣдника въ варшавскомъ костелѣ. Во время проповѣди онъ всегда держалъ въ рукахъ предъ собою, по образцу св. Бернарда, табличку съ надписью: „Иисусъ Назорей Царь Іудейскій“. Не разъ въ увлеченіи онъ говорилъ всю проповѣдь стихами. Какъ гласитъ легенда, въ великую пятницу 1505 года Ладиславъ говорилъ о крови Христовой и о бичеваніи Спасителя. Устремивъ взоръ въ икону бичуемаго Христа, Ладиславъ сталъ восклицать: „О Іисусе, Іисусе возлюбленный“, проливая потоки слезъ,—и въ это время невидимой силой былъ поднятъ на воздухъ надъ амвономъ... Это произошло будто бы незадолго до смерти Ладислава, скончавшагося 4 мая 1505 года.

На погребеніе Ладислава собрались толпы народа, прославлявшаго его, какъ святого. Похоронили его въ костелѣ передъ главнымъ алтаремъ, положивъ на могилу плиту безъ надписи. Къ этой гробницѣ постоянно приходили молиться благочестивые варшавяне, и съ каждымъ годомъ умножались рассказы о совершаемыхъ при ней чудесныхъ исцѣленіяхъ. Наконецъ, въ 1572 г., какъ повѣствуетъ преданіе, Ладиславъ явился во снѣ куявскому епископу (впослѣдствіи—примасу) Станиславу Карняковскому и велѣлъ ему перенести останки изъ земли въ другое приличное мѣсто. Перенесеніе останковъ было торжественно совершено въ присутствіи короля Сигизмунда-Августа, королевы Анны Ягеллонки, двухъ кардиналовъ—легатовъ папы, почти всѣхъ польскихъ епископовъ, сенаторовъ и другихъ магнатовъ. Какъ разсказывается въ цитированной выше хроникѣ „Julera antiquitatis“, „когда по при-

казанію епископа въ присутствіи всѣхъ былъ отодвинуть лежавшій на могилѣ камень, кости блаженнаго оказались не въ глубинѣ земли, а тутъ же подъ самымъ мраморомъ и лежали тамъ въ порядкѣ, что, по велѣнію Божію, для утѣшенія и благочестія вѣрныхъ совершенно было ангелами“. Этотъ эпизодъ изображенъ *al fresco* на стѣнѣ противъ главнаго алтаря въ часовнѣ при костелѣ, посвященной блаженному Ладиславу. Картина исполнена въ 1750 г. бернардиномъ Валентіемъ Жебравскимъ, росписавшимъ тогда весь костелъ, и снабжена надписью: „*Sublevatio sacrorum ossium beati Ladislavi*“.

По омовеніи костей виномъ онѣ были положены въ деревянную раку (*scatula*) и помѣщены въ стѣнѣ направо отъ главнаго алтаря. Ниша была прикрыта камнемъ съ изображеніемъ блаженнаго Ладислава и надписью:

Ossa Ladislavi tumulus iste tegit
Qui minime favit mundi nequam iniquitati,
Corregnat Sanctis succurrit debili tali.

Бернардины въ 1627 году начали ходатайствовать о канонизаціи Ладислава, но денегъ у нихъ на сопряженные съ этимъ расходы было мало, и лишь въ 1750 году папа Бенедиктъ XIV причислилъ Ладислава къ лику блаженныхъ, а въ 1753 г., по просьбѣ короля Августа, объявилъ патрономъ Польши и Литвы, установивъ празднованіе памяти блаженнаго Ладислава 23 сентября. Дѣло о причисленіи блаженнаго Ладислава съ лику святыхъ не рѣшено римской куріей и до сихъ поръ.

Костелъ Св. Анны отличается монументальнымъ - фасадомъ въ стилѣ Возрожденія. На фасадѣ до сихъ поръ существуетъ слѣдующая латинская надпись: „*Anno restauratae Salutis MDCCLXXXVIII Stanislao Augusto Rege religionis studio Iosephus Kwiecinski aedem hanc exstructam suo aere fronte ornavit*“, т. е. „въ 1788 г. при королѣ Станиславѣ-Августѣ движимый ревностью къ вѣрѣ Іосифъ Квечицкій на свой счетъ украсилъ фронтономъ этотъ существовавшій уже храмъ“.

По поводу постройки этого фронтона сохранилось такое преданіе. Въ 1775 г. бернардины рѣшили перестроить фасадъ своего костела, пришедшій въ ветхость и поражавшій своимъ безобразнымъ видомъ. Планъ составилъ архитекторъ Петръ Айгнеръ, обучавшійся въ Итали. Стали собирать пожертвованія, но они поступали туго: собрано было всего лишь 20000 золотыхъ. Израсходовавъ ихъ, бернардины вынуждены были прервать работы и обратились къ королю Станиславу-Августу, который подарилъ уже имъ для будущаго новаго фасада статуи

четырехъ евангелистовъ, работы придворнаго скульптора Мональди. Но у короля казна въ ту пору пустовала. Кто-то надумилъ обратиться за помощью къ владѣльцу дома на Маріенштадтѣ Юсіѳу Квещинскому, который, по ходившимъ тогда слухамъ, разбогатѣлъ благодаря „шведскому“ кладу, найденному имъ подъ Варшавой.

Квещинскаго позвали къ королю.

— Здравствуй, сосѣдь,—обратился къ нему Станиславъ-Августъ,—мнѣ пріятно видѣть обывателя моей столицы, обязаннаго благосостояніемъ своему труду.

— Ваше величество,—отвѣтилъ Квещинскій,—и я, и мое имущество къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, въ этомъ еще нѣтъ надобности. Но если ты хочешь что-либо поднести мнѣ, займись достройкой фасада у бернардиновъ, и ты оставишь по себѣ прекрасное воспоминаніе.

Квещинскій согласился, но не выполнѣ. Онъ пообѣщаль дать третью часть необходимой суммы, но съ условіемъ, что на фасадѣ будетъ помѣщена надпись, что фронтонъ возведенъ Квещинскимъ на свой счетъ. Желаніе Квещинскаго было исполнено, но повидимому варшавяне не давали покоя тщеславному, но прижимистому мѣщанину своими насмѣшками, такъ какъ онъ впоследствии раскошелился и построилъ въ костелѣ часовню Пресвятой Дѣвы Маріи Сокальской (въ этой часовнѣ онъ похороненъ), а также пожертвоваль сумму на отопленіе часовни зимой.

Съ бернардинами по благочестивой жизни конкурировали капуцины, появившіеся въ Варшавѣ при королѣ Янѣ III Собѣскомъ, который поселилъ ихъ при сооруженномъ имъ въ 1683 г. въ память побѣды надъ турками подъ Вѣной костелѣ Преображенія Господня на нынѣшней Медовой улицѣ, которая въ то время была обсаженной липами дорогой. Послѣ постройки капуцинскаго монастыря эту дорогу стали звать Капуцинской, а потомъ Медовой. Капуцинская же улица на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ появилась уже послѣ закрытія монастыря и по застройкѣ его садовъ и огородовъ.

Капуцины быстро пріобрѣли себѣ добрую славу у варшавянъ, они соблюдали обѣтъ бѣдности, питались треской, овощами и фруктами изъ собственныхъ огородовъ и садовъ, которые они сами воздѣлывали. Капуцинскій садъ отличался изобиліемъ плодовъ земныхъ и лучшими въ Варшавѣ цвѣтами, а треска, приготовленная умѣлыми руками мо-

наховъ-поваровъ, считалась любимымъ кушаньемъ даже такого гастронома, какъ король Августъ III, питавшій изъ-за „штокфиша“ (трески) большое расположеніе къ капуцинамъ. Но капуцины помышляли „не о хлѣбѣ единомъ“ и приобрѣли себѣ репутацію также усердныхъ распространителей католичества среди „еретиковъ“, на которыхъ они производили впечатлѣніе своей строгою монашескою жизнью, непохожей на чревоугодіе и сребролюбіе монаховъ другихъ орденовъ.

Мало по малу капуцинскій монастырь сдѣлался моднымъ среди тогдашней аристократіи, слѣдовавшей примѣру королей и дѣлавшей капуцинамъ щедрыя пожертвованія, а когда въ капуцинскомъ костелѣ по волѣ Яна Собѣскаго было погребено его сердце, капуцинское кладбище сдѣлалось аристократическимъ, и въ немъ находили послѣднее упокоеніе представители сильныхъ міра сего.

Сердце Собѣскаго хранится нынѣ въ урнѣ изъ сѣраго мрамора, находящейся въ костельной часовнѣ, реставрированной въ 1828—1830 гг. на средства, дарованныя Императоромъ Николаемъ I. Урна находится въ нишѣ справа отъ алтаря; она покрыта бронзовой подушкой со щитомъ, скипетромъ и мечомъ подъ короной. Надъ нишей—бюстъ Собѣскаго изъ бѣлаго мрамора, а подъ урной надпись: „Николай I Царь Польскій Іоанну III своему предшественнику“. Въ той же часовнѣ находится покрытая бронзой короной урна съ внутренностями короля Августа II.

По преданію, поклониться праху Собѣскаго пріѣзжали въ монастырь въ бытность въ Варшавѣ и Петръ Великій, и его врагъ—Карлъ XII...

Какъ воспоминаніе о вниманіи коронованныхъ особъ къ монастырю, въ ризницѣ костела Преображенія Господня хранятся облаченія, вышитыя дочерью Августа III Маріей-Анной и записки на латинскомъ языкѣ съ ея подписью.

При Августѣ II и Августѣ III, любитель „капуцинскаго штокфиша“, капуцинамъ жилось вообще хорошо. Имъ была поручена обязанность готовить къ смерти преступниковъ, отнятая у іезуитовъ, а это создало капуцинамъ еще большую славу богобоязненныхъ монаховъ. Пошли даже слухи, что одинъ изъ капуциновъ—отецъ Феликсъ творить чудеса...

И вотъ въ это самое время—въ 1731 г. капуцины, выражаясь по нынѣшнему, устроили забастовку. Въ 11 ч. утра они всѣ въ торжественной процессіи вышли съ преднесеніемъ креста и съ пѣніемъ

„Miserege“ изъ монастыря, направились на Краковское Предмѣстье къ бернардинамъ и тамъ поселились, а въ монастырѣ остались лишь два монаха—привратника.

„Забастовка“ эта взволновала весь городъ. Всѣ старались разгадать ея причины и создавали всевозможные слухи и предположенія. Какъ предполагаетъ В. Шиборовскій, капуцины рѣшили уйти изъ монастыря, не желая подчиняться „провинціалу“—чеху или нѣмцу, такъ какъ въ то время польской „провинціи“ у капуциновъ еще не было.

Несмотря на то, что папа Климентъ XII въ особомъ *breve* возмутился новой и неслыханной дерзостью (*nova ac inaudita temeritate*) капуциновъ, они просидѣли у бернардиновъ цѣлый годъ и добились своего—получили своего собственнаго „провинціала“.

Эта „забастовка“ ничуть не повредила репутаціи капуциновъ, которые и послѣ нея продолжали считаться одной изъ самыхъ благочестивыхъ варшавскихъ конгрегацій: хотя папа и негодовалъ на ихъ *temeritas*, но эта *temeritas*, поддержанная другой столь же благочестивой конгрегаціей бернардиновъ, вызвана была не стремленіемъ къ земнымъ благамъ, какъ это случилось съ варшавскими доминиканцами.

Несмотря на то, что вообще доминиканцы, эти „псы Господни“ (*Domini canes*—по гербу, изображавшему собаку, несущую во рту горящій факель), слыли вездѣ ревностными блюстителями чистоты католической вѣры, давшими міру инквизитора Торквемаду, въ Варшавѣ за мѣстными „Торквемадами“ установилась слава совершенно иного сорта: среди варшавскихъ монаховъ не было, кажется, ордена болѣе падкаго къ Мамонѣ, чѣмъ доминиканцы. Съ ними могли поспорить, пожалуй, лишь іезуиты, конкурировавшіе, между прочимъ, съ доминиканцами по части распивочной продажи питей. Доминиканцы устроили въ одной изъ залъ своего монастыря на улицѣ Фрета питейное заведеніе, въ которомъ продавались вино и медъ подъ руководствомъ одного изъ монаховъ. Знатный доходъ отъ этого получали и монастырь, и монахи—виночерціи. Одинъ изъ послѣднихъ, о. Пій, оставилъ по себѣ память пожертвованіемъ изъ своего капитала 200 дукатовъ „во славу Божию“ на перевезеніе тѣла блаженнаго Садока.

Отстаивая свои денежные интересы, доминиканцы дошли даже однажды до кровопролитнаго сраженія съ городской стражей. Это случилось во время безкоролевья послѣ смерти Яна Собѣскаго. Доминиканцы у стѣны своего монастыря издавна содержали цѣлый базарь,

сдавая будки торговкамъ и получая отъ нихъ изрядную сумму. Вице-президентъ Старой Варшавы Александръ Чамеръ обвинилъ монаховъ предъ варшавскимъ „старостой“ Красинскимъ въ томъ, что они заняли подъ будки городскую землю, и просилъ снести эти будки, какъ портяція „добрый порядокъ въ городъ“. Красинскій согласился исполнить эту просьбу, несмотря на ходатайства пріора доминиканцевъ кс. Кондима-Загоровскаго, и послалъ рабочихъ для разрушенія будокъ, но монахи рѣшили оказать сопротивленіе „старостинскимъ хамамъ“ и прогнали ихъ. Но не долго продолжалось торжество доминиканцевъ: панъ староста до того на нихъ разгнѣвался, что послалъ противъ нихъ подъ командой капитана Михаила Орловскаго сто „райтаровъ“ и сто пѣхотинцевъ, которые разогнали монастырскую рать изъ „пахолковъ“ и принялись разбирать будки. Доминиканцы ударили въ набатъ и бросились на помощь къ своимъ „пахолкамъ“. Изъ оконъ и съ крышъ въ старостинскій отрядъ полетѣли камни, а одинъ изъ послушниковъ Адамъ Гембальскій выстрѣлилъ въ „райтаровъ“ изъ пистолета. Тогда капитанъ приказалъ пѣхотѣ стрѣлять въ толпу. Одинъ студентъ и монастырскій экономъ были убиты, а восемь монаховъ и Гембальскій ранены. Больше всего ранъ получилъ этотъ послѣдній... Послѣ залпа толпа разбѣжалась, и будки безпрепятственно были снесены...

Походъ противъ доминиканцевъ и ихъ пораженіе привели въ негодование папскаго нунція, который, не долго думая, пустилъ въ ходъ духовное оружіе и отлучилъ отъ церкви старосту, вице-президента, капитана Орловскаго и всѣхъ, содѣйствовавшихъ пораженію доминиканцевъ, а эти послѣдніе отвезли окровавленные трупы въ судъ, требуя наказанія виновныхъ. Послѣ долгихъ переговоровъ нунцій согласился снять клятву церковную подъ условіемъ, что панъ староста заплатитъ доминиканцамъ 2000 битыхъ талеровъ, а Чамеръ будетъ отрѣшенъ на три года отъ должности вице-президента.

Когда варшавскіе доминиканцы получили эти деньги, имъ позавидовали краковскіе ихъ собраты и потребовали третью часть въ свою пользу въ виду того, что Гембальскій былъ сначала въ ихъ монастырѣ. Но варшавскіе доминиканцы отвѣтили, что Гембальскій, будучи человекомъ „горячаго духа“, былъ виновникомъ кровопролитія и что краковскіе отцы никакого убытка не понесли, тогда какъ варшавскимъ пришлось расхотѣться на аптеку, доктора, судъ, перевозку труповъ и т. д.

Вообще варшавскіе доминиканцы не ладили со свѣтской властью и, кромѣ описаннаго выше „сраженія“, были вынуждены однажды

подвергнуться также „осадѣ“. Дѣло было такъ. При Августѣ III „студенты“ изъ іезуитскихъ школъ отбили съ эшафота нѣкоего Домбровскаго и отвели его къ доминиканцамъ, прося ихъ дать ему убѣжище на основаніи *ius asyli*, которымъ доминиканцы въ Варшавѣ никогда впрочемъ не пользовались. Великій коронный маршалъ Бѣлинскій, человекъ суровый и энергичный, потребовалъ выдачи Домбровскаго, а когда монахи отказали, окружилъ монастырь стражей и рѣшилъ добиться своего изморомъ, никого не впуская и не выпуская изъ монастыря. Монахамъ грозилъ голодъ, но за нихъ заступился нунцій. Онъ созвалъ представителей всѣхъ монастырей на совѣщаніе, и тѣ рѣшили, что доминиканцы поступили правильно, а потому король приказалъ Бѣлинскому снять осаду.

Въ стремленіи присвоить себѣ и свѣтскую власть гораздо больше, чѣмъ доминиканцамъ, повезло монахинямъ—бригиткамъ, которыя сумѣли создать даже цѣлое „государство въ государствѣ“.

Монастырь бригитокъ, отъ котораго теперь и слѣда не осталось, находился на углу Долгой улицы и Налевокъ, тамъ, гдѣ теперь находятся многоэтажные дома, именуемые „пассажемъ Симонса“.

До половины XVI вѣка на этомъ мѣстѣ былъ большой городской выгонъ, именовавшійся въ различныхъ актахъ *expulsorium civile*. Улица Налевки была тогда большой дорогой. На этой дорогѣ на углу тогдашней Широкой или Блонской (нынѣшней Долгой) улицы позолотчикъ Янъ Карнофъ воздвигъ въ 1540 г. деревянную часовню во имя Пресвятой Троицы и завѣщалъ капиталъ на содержаніе при ней капеллана.

Часовня нѣсколько десятковъ лѣтъ простояла въ первоначальномъ своемъ скромномъ видѣ вдали отъ тогдашней Варшавы, пока король Стефанъ Баторій не задумалъ устроить *hospitium* (пріютъ) для престарѣлыхъ ветерановъ. Король избралъ для него часть *expulsorium civile* около часовни Пресвятой Троицы, построилъ тамъ каменное зданіе для инвалидовъ и обнесъ зданіе и часовню кирпичной стѣной.

Долго ли просуществовалъ этотъ пріютъ, неизвѣстно, но при Сигизмундѣ III, предпочитавшемъ солдатамъ монаховъ, зданіе инвалиднаго дома уже пустовало, и король, воспользовавшись этимъ, перевелъ въ него монахинь-бригитокъ изъ дер. Липье близъ Черска, подаривъ имъ обширный участокъ земли около новаго монастыря, который бригитки въ память своего Липья назвали Новолипьемъ. Границы пожалованнаго королемъ участка не были точно опредѣлены,

и бригиткамъ пришлось вести цѣлый рядъ процессовъ съ сосѣдними владѣльцами, чѣмъ онѣ создали себѣ въ Варшавѣ репутацію большихъ сутягъ и кляузницъ. Между прочимъ бригитки долго вели тяжбу изъ-за земли съ больницей Св. Духа, претендовавшей на монашеское Новолипье. Тяжба закончилась въ началѣ XVIII вѣка тѣмъ, что судъ, установивъ границу между монашеской и больничной землей, наименовалъ первую Новолипьемъ, а вторую для отличія—Новолипками. Названія эти до сихъ поръ сохранились за двумя сосѣдними варшавскими улицами.

Постепенно монастырь бригитокъ увеличивался и богатѣлъ. Первоначальная деревянная часовня была замѣнена каменнымъ костеломъ, построеннымъ гвѣзненскимъ архіепископомъ Андреемъ Лещинскимъ. Вообще семейство Лещинскихъ, владѣльцевъ деревни Лешна (теперь—улица въ Варшавѣ), неоднократно дѣлало монастырю большія пожертвованія: какая то Лещинская написала икону для главнаго алтаря, Станиславъ Лещинскій помогъ монастырю оправиться послѣ шведскаго разоренія, староста варшавскій Янъ-Пшеславъ Лещинскій былъ даже погребенъ въ стѣнахъ костела, какъ благодѣтель монастыря.

Какъ рассказываетъ В. Гомулицкій въ книгѣ „Opowiadania o starej Warszawie (Варшава, 1900), монахинь-бригитокъ въ монастырѣ никогда не было больше десяти, но за то тамъ проживало множество послушницъ, компаньенокъ и служанокъ. Все это женское царство занималось не только душеспасительной молитвой, но, пожалуй, еще больше свѣтскими дѣлами. Дѣло въ томъ, что бригитки сумѣли создать изъ своего Новолипья отдѣльную „юридику“ съ независимыми отъ варшавскаго Стараго-Мѣста судомъ и администраціей. Юридикой правила настоятельница монастыря, творившая судъ и расправу по четвергамъ въ обширномъ монастырскомъ parlatorium. Такъ какъ монахини-бригитки не показывались публикѣ даже въ костелѣ, гдѣ ихъ мѣста были отгорожены рѣшеткой, то и на судѣ для настоятельницы было устроено закрытое густой рѣшеткой мѣсто. Настоятельница съ „сестрой-секретаремъ“ выслушивала, сидя за этой рѣшеткой, объясненія обвиняемыхъ и свидѣтелей, а затѣмъ объявляла свой приговоръ. Вѣдѣнію этого оригинальнаго суда подлежали дѣла объ оскорбленіи словами и дѣйствіемъ, мошенничествѣ, пьянствѣ, безнравственной жизни, присвоеніи чужой собственности и неаккуратной уплатѣ чиншей. За порядкомъ въ залѣ наблюдали монастырскіе „пахолки“, а около рѣшетки, записывая рѣшенія настоятельницы, сидѣлъ монастырскій писарь (обыкновенно—родственникъ ея).

Другимъ поводомъ для вмѣшательства бригитокъ въ свѣтскія дѣла служило предоставленное ихъ монастырю „право убѣжища“ (jus asyli), обеспечивавшее неприкосновенность (immunitas ecclesiastica) преступникамъ, успѣвшимъ скрыться въ монастырь. Этимъ правомъ бригитки пользовались очень широко, чѣмъ приводили въ негодованіе такихъ, напр., строгихъ блюстителей закона, какъ извѣстный великій коронный маршалъ Францискъ Бѣлинскій. Онъ пробовалъ было оспаривать права бригитокъ въ этомъ отношеніи, но потерпѣлъ неудачу, и тогда, чтобы поставить на своемъ, сталъ прибѣгать къ хитрости: спрятавъ по близости свою стражу, онъ выманивалъ какимъ-нибудь образомъ преступника изъ монастыря и забиралъ его съ улицы въ свою тюрьму.

Благодаря „праву убѣжища“, бригитки создали себѣ въ Варшавѣ прекрасную репутацію среди простонародья, и эта добрая слава возросла еще болѣе, когда бригитки во время чумныхъ эпидемій не боялись наряду съ другими монахинями нести помощь больнымъ, рискуя своею жизнью. Въ 1710 году бригитки, помогая чумнымъ больнымъ, вымерли всѣ до одной.

Совсѣмъ не такъ,—кстати сказать,—вели себя во время этой эпидеміи „панны сакраментки“ на Новомъ-мѣстѣ, настоятельница которыхъ, какъ только появился морь, заперлась въ монастырѣ и прервала всѣ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, но чума все-таки проникла къ „сакраменткамъ“ и истребила ихъ всѣхъ, не исключая настоятельницы-француженки. Въ то время въ монастырѣ „сакраментокъ“ были лишь иностранки—француженки, итальянки, нѣмки и „разныя иныя націи“. Всѣ слуги и служанки вымерли также за исключеніемъ одного француза.

Монастырь бригитокъ былъ упраздненъ въ 1807 г. Монахини были переведены въ монастырь визитокъ, а костелъ и монастырскія зданія были передѣланы въ казармы. Впослѣдствіи въ зданіи костела была помѣщена оружейная фабрика, и въ ней появилось „диво дивное“, привлекавшее толпы варшавянь,—первая въ Варшавѣ паровая машина. Въ 1892 году старыя зданія были разобраны и на ихъ мѣстѣ построены впослѣдствіи „пассажи Симонса“.

Почти безслѣдно исчезли также и бенониты, изгнанные во времена герцогства варшавскаго за враждебныя дѣйствія противъ Наполеона I.

„Бенонами“ или „бенонитами“ именовались первоначально члены „братства св. Бенона“, которое было организовано въ 1623 году, по

иниціативѣ іезуита Георга Лейера, варшавскими нѣмцами—купцами и ремесленниками съ цѣлью заботиться о воспитаніи сиротъ членовъ братства и оказывать гостепрѣимство пилигримамъ-нѣмцамъ. Братство оказало большія услуги Варшавѣ въ началѣ XVIII вѣка во время морового повѣтрія 1710 и 1712 гг. Въ 1710 г. изъ числа членовъ братства, оказывавшихъ помощь больнымъ, умерло 49 человекъ, а въ 1712 г. священникъ братства отецъ Генрихъ по цѣлымъ днямъ ходилъ по городу, навѣщая пораженныхъ чумой, утѣшая ихъ и разнося имъ пищу. Самоотверженный о. Генрихъ сдѣлался жертвой эпидеміи и умеръ на Налевкахъ.

Въ началѣ XVIII вѣка къ братству принадлежали, главнымъ образомъ, каменщики. Рѣшивъ построить для братства домъ съ костеломъ, они работали по ночамъ при свѣтѣ факеловъ. Въ этомъ домѣ помѣщались, кромѣ костела, также школа и hospitium для пилигримовъ. Израсходовавъ все свои суммы на постройку, братство въ 1732 г. получило разрѣшеніе устроить первую лотерею въ Варшавѣ. Тиражъ лотереи происходилъ ежемѣсячно. Билетъ стоилъ одинъ тынѣвъ. Выигрыши состояли изъ различныхъ вещей домашняго обихода. Въ 1740 г. костель св. Бенона сгорѣлъ, и король Августъ III снова разрѣшилъ братству устраивать лотерею—на этотъ разъ денежную—въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Въ 1791 году черезъ Варшаву проѣзжало въ Поморье (Померанію) нѣсколько нѣмецкихъ монаховъ „редемптористовъ“—*praesbyterorum saecularium Sancti Evangelii Operatorum sub titulo Sancti Redemptoris*—намѣревавшихся пропагандировать католичество среди лютеранъ. Монахи эти остановились въ бенонитскомъ hospitium и такъ пришлось по душѣ нѣмцамъ—членамъ братства, что тѣ уговорили ихъ остаться въ Варшавѣ. Они поселились въ братскомъ домѣ, и поэтому ихъ стали звать также „бенонитами“. Монахи эти основали бесплатную школу, которая въ 1793 году насчитывала 350 учащихся обоюго пола. Папскій нунцій въ Варшавѣ монсиньоръ Салюццо поставилъ во главѣ монаховъ-бенонитовъ выписаннаго имъ изъ Рима о. Клеменса—Марію Гофбауэра, который недавно причисленъ римской куріей къ лику святыхъ.

Гофбауэръ былъ онѣмеченнымъ чехомъ, сыномъ мясника, носившаго славянскую фамилію „Дворжакъ“. Родился онъ въ 1751 г. въ Знаимѣ въ Моравіи, рано потерялъ отца и былъ отданъ матерью въ науку къ пекарю. Работая въ пекарнѣ брудскаго аббатства, онъ обратилъ на себя вниманіе аббата и поступилъ въ монастырскую школу.

послѣ чего сталъ вести отшельническую жизнь. Когда при императорѣ Иосифѣ II монахи подверглись различнымъ ограниченіямъ, Гофбауэръ пѣшкомъ отправился въ 1777 году въ Римъ и поселился въ окрестностяхъ Тиволи. Въ 1785 г. онъ вступилъ въ конгрегацію редемптористовъ, а затѣмъ отправился по приглашенію Салюццо въ Варшаву. Пришелъ онъ пѣшкомъ въ сопровожденіи о. Яна Тадеуша Гюбля, тоже онѣмеченнаго чеха. Гофбауэръ сдѣлался генеральнымъ викаріемъ редемптористовъ въ Варшавѣ и вскорѣ пріобрѣлъ симпатіи всѣхъ слоевъ населенія. Король Станиславъ-Августъ наградилъ его въ 1795 г. орденомъ Бѣлаго Орла, а варшавское населеніе по цѣлымъ днямъ переполняло костелъ бенонитовъ, богослуженія въ которомъ отличались необычайной торжественностью и продолжительностью.

Во времена прусскаго владычества значеніе нѣмцевъ-монаховъ, само собой понятно, возросло еще болѣе, такъ какъ они встрѣчали извѣстную поддержку въ берлинскомъ правительствѣ. „Бенониты“ привезли изъ Вѣны статую Богоматери, считавшуюся чудотворной, и наплывъ богомольцевъ въ костелъ на Пѣшей улицѣ возросъ до небывалыхъ размѣровъ. Ремесленники бросали свои мастерскія, жены—дома мужей, слуги—господъ и цѣлые дни проводили на бенонитскихъ богослуженіяхъ и процессіяхъ около костела. Благодаря притоку пожертвованій, костелъ былъ расширенъ и украшенъ нѣсколькими статуями. Одна изъ нихъ—„Ессе Ното“—находится теперь въ костелѣ Пресвятой Дѣвы Маріи.

Когда возникло Варшавское герцогство, выдающееся значеніе нѣмцевъ—„бенонитовъ“ не могло не навлечь подозрѣній сторонниковъ Наполеона и тогдашняго французскаго свободомыслія. Съ одной стороны, въ вѣкъ безвѣрія казалось нежелательнымъ распространеніе въ простонародѣ чрезмѣрной, доходившей до ханжества религіозности, которую поддерживали бенониты, а съ другой—нѣмцы-монахи, близко стоящіе къ массѣ населенія и несомнѣнно враждебно настроенные къ владычеству французовъ, могли оказаться опасными развѣдчиками и агитаторами.

Тогдашнее правительство, отличавшееся вообще нерасположеніемъ къ духовенству и монастырямъ, не стѣснялось закрывать костелы и превращать ихъ въ склады. Этой судьбѣ подверглись уже старинный костелъ Св. Георгія, передѣланный въ военный складъ, іезуитскій костелъ на улицѣ Св. Іоанна, костелъ Св. Троицы и монастырь бригитокъ на углу Налевокъ и Долгой, превращенный въ казармы, доминиканскій монастырь, сдѣлавшійся фабрикой сабель, францисканскій,

превращенный въ тюрьму, костель и монастырь бернардинокъ на Краковскомъ Предмѣстьѣ, въ которомъ помѣщенъ былъ складъ фуража, а монастырь и костель бернардиновъ на Прагѣ были совершенно разрушены съ цѣлью расширенія укрѣпленій...

При такомъ настроеніи правящихъ сферъ онѣ воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы конфисковать бенонитскія зданія и выселить бенонитовъ-монаховъ изъ Варшавы. Случай этотъ произошелъ 4 (12) Апрѣля 1808 года между 9 и 10 час. вечера послѣ пасхальной „резуррекціи“ въ костелѣ св. Бенона. Между толпой, вышедшей изъ костела, и двумя французскими офицерами возникла драка, во время которой одинъ изъ французовъ побилъ монаха. Скандалъ этотъ надѣлалъ много шума и послужилъ поводомъ къ изгнанію монаховъ-бенонитовъ изъ Варшавы, тѣмъ болѣе, что противъ нихъ имѣлись уже нѣкоторыя данныя, уличавшія ихъ въ сношеніяхъ съ врагами Франціи. Въ официальномъ сообщеніи, напечатанномъ въ № 61 „Варшавской газеты“ отъ 18 (30) іюля 1808 г., бенониты обвинялись между прочимъ въ томъ, что они „увеличивали всѣми силами число сторонниковъ своего ордена, возлагая на нихъ обязанности шпионовъ, благодаря чему были освѣдомлены обо всемъ, что случалось въ средѣ семействъ и супружествъ, въ которыхъ они часто бывали причиной раздоровъ и несогласій“, что они „подъ покровомъ религіи привлекли къ себѣ многихъ женщинъ, многихъ изъ нихъ отвратили отъ пути добродѣтели, приказывая имъ покидать родителей, родныхъ или мужей и проживать съ ними подѣ предлогомъ покаянія“. „Женщины жили въ ихъ постройкахъ, воспитывая дѣтей, отцы которыхъ не были извѣстны“. Кроме того монахи-бенониты „налагали денежные уплаты, привлекали пожертвованія, бывали посредниками при возвращеніи похищенныхъ предметовъ“. Бенониты обвинялись также и въ томъ, что „чрезвычайный способъ“ совершенія богослуженій „звергалъ жителей въ суевѣріе, отнималъ дорогое время у ремесленниковъ и людей, живущихъ трудомъ своихъ рукъ, уменьшалъ ихъ малое имущество непропорціональными жертвами“... „Словомъ,—говорилось въ правительственномъ сообщеніи,—достаточно было бы допустить существованіе двухъ подобныхъ монастырей въ Варшавѣ, чтобы со временемъ вовлечь простонародье въ величайшее суевѣріе, разореніе и бездѣльничанье“.

Какъ говорилось въ томъ же правительственномъ сообщеніи, обыскъ, произведенный въ домѣ бенонитовъ въ день выселенія ихъ изъ Варшавы, „увеличилъ доказательства ихъ вины“. Оказалось, что у нихъ были корреспонденты во всѣхъ странахъ Европы, а „особенно

въ странахъ общихъ враговъ Франціи и Польши“, что они „получали изъ-за границы и распространяли ложныя и вредныя вѣсти, которыми часто тревожили умы легковѣрнаго люда“, что передъ заключеніемъ тильзитскаго мира они „были орудіемъ корреспонденціи и облегчали ее секретнымъ агентамъ непріятелей“, что они „старались окружить наушниками выдающихся лицъ въ краѣ, чтобы ловко руководить ими“, и т. д. Какъ ходили слухи, передаваемые Ф. М. Собещанскимъ, бенониты находились въ сношеніяхъ съ пруссаками передъ тильзитскимъ миромъ, а затѣмъ съ австрійцами, подготовлявшими нападеніе на герцогство варшавское.

Въ другомъ правительственномъ сообщеніи, появившемся въ прибавленіи къ № 79 „Варшавской газеты“ 1808 г., указывалось, что конгрегаціи бенонитовъ уже изгнаны изъ Баваріи и Швейцаріи за то, что онѣ „побуждали простонародье къ беспорядкамъ“. „Варшавскіе бенониты, которые тоже принимали участіе въ этихъ интригахъ, точно также тайно поступали и въ Варшавѣ, и если въ недавнее время имъ не удалось вызвать беспорядки, то лишь потому, что бдительныя власти знали каждый ихъ шагъ и могли предупредить ихъ своевременно принятыми мѣрами“.

Бенонитовъ вывели изъ Варшавы 8 (12) іюня 1808 года, а ихъ домъ и костелъ были конфискованы. Въ костелѣ сначала былъ помѣщенъ архивъ, а затѣмъ зданіе это было продано и передѣлано въ фабрику.

Повидимому, въ походѣ противъ бенонитовъ принимали немалое участіе варшавскіе масоны, такъ какъ, по словамъ современниковъ, они еще за шесть недѣль до вывоза монаховъ предсказывали ихъ изгнаніе, а тотчасъ послѣ того, какъ бенониты-монахи были увезены, масоны, „устройвъ пиръ въ ложѣ, провели цѣлую ночь въ кутежѣ, крикахъ и пальбѣ изъ пистолетовъ“.

Познакомивъ читателей съ нѣкоторыми, „чертами изъ жизни“ благодушныхъ чревоугодниковъ—августинцевъ, богомольныхъ бернардиновъ и капуциновъ, грубыхъ доминиканцевъ, хозяйственныхъ помѣщицъ—бригитокъ и нѣмцелюбовъ—бенонитовъ, мы намѣрены сказать еще нѣсколько словъ о монахахъ хищнаго типа—іезуитахъ, которые *ad majorem Dei gloriam* не стѣснялись въ средствахъ даже противъ своихъ же собратьевъ—ксендзовъ и монаховъ другихъ орденовъ.

Въ началѣ этого очерка мы рассказали уже о попыткѣ іезуитовъ овладѣть августинскимъ монастыремъ при помощи хитрости. Іезуиты

тогда потерпѣли, какъ извѣстно, неудачу и должны были, по приказанію папы, къ „вѣчному стыду“ своему совершать ежегодно въ костелѣ св. Мартина торжественное „искупительное“ богослуженіе. Но „вѣчный стыдъ“ ничуть не повредилъ репутаціи послѣдователей Игнатія Лойолы. Они дѣйствовали такъ умѣло, что черезъ полвѣка послѣ своего появленія при Сигизмундѣ III въ Варшавѣ сдѣлались самыми богатыми варшавскими монахами. Костелъ во имя Пресвятой Дѣвы Милосердной, начатый постройкой въ 1626 году, они не только благополучно достроили, но и украсили такъ, какъ не былъ украшенъ ни одинъ костелъ въ Варшавѣ. Двадцать алтарей, въ томъ числѣ 12 мраморныхъ, двадцать конфессіоналовъ, мраморные полы и балюстрады... Но народъ привлекали не только эта роскошь, но и постоянныя „отпусы“, проповѣди на четырехъ языкахъ: польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, рассчитанныя на всѣ классы населенія, торжественныя богослуженія, иллюминаціи фасада костела въ большіе праздники. Іезуиты умѣли приноровиться ко всякимъ вкусамъ и потому, пользуясь всеобщимъ вниманіемъ, съ каждымъ годомъ все больше богатѣли. Особенно счастливы они были на наслѣдства по духовнымъ завѣщаніямъ: получили такимъ путемъ имѣніе близъ Польцова (нынѣшней цитадели), нѣсколько домовъ на Старомъ Мѣстѣ, приобрѣли Конвикторскую улицу со всѣми домами. Особенно обогатилъ варшавскихъ іезуитовъ одинъ изъ Витгофовъ, принадлежавшихъ къ числу варшавскихъ „патриціевъ“, единственный сынъ президента Старой Варшавы Франциска Витгофа во время второго шведскаго нашествія, Станиславъ, родившійся въ 1706 году. Подъ вліяніемъ іезуитовъ онъ двадцатилѣтнимъ юношей отрекся отъ міра, отъ предстоявшей ему блестящей карьеры и вступилъ въ іезуитскій орденъ, подаривъ ему большой домъ и 108000 злотыхъ на достройку коллегіи. Станиславъ Витгофъ умеръ на 27 году жизни, и все его добро попало въ руки іезуитовъ...

Они вообще умѣли пользоваться всякими удобными случаями, не останавливаясь ни предъ какими средствами для того, чтобы отбить паству у другихъ костеловъ и монашескихъ орденовъ. Особенно старались они превзойти своихъ ближайшихъ сосѣдей—свѣтскихъ ксендзовъ капитула Св. Іоанна. Капитулъ получалъ большіе доходы отъ богомольцевъ, приходившихъ на поклоненіе привезенному въ XVI столѣтіи распятію, славившемуся чудесами. По преданію у Христа на этомъ распятіи отросли волосы, которые разъ въ годъ подстригала золотыми ножницами невинная дѣвушка. Но однажды волосы обстригла дѣвушка „съ прошлымъ“, и они перестали расти. Іезуиты

помѣстили въ своемъ костелѣ точную копию этого распятія, именуемаго „Панъ. Езусъ Старый“, и пытались создать легенду, аналогичную съ преданіемъ, рассказаннымъ нами выше, а именно, что находившееся въ ихъ костелѣ распятіе привезено изъ города Любека въ Нижней Саксоніи въ 1648 году нѣкимъ Яномъ Бильфельтомъ, спасшимъ его отъ поруганія со стороны протестантовъ. Іезуиты стали рассказывать эту исторію лишь въ 1783 г., когда о ней была напечатана замѣтка въ „Варшавской Газетѣ“, повидимому стремясь создать конкуренцію „фарѣ“. Судя по тому, что на распятіи, находящемся и нынѣ въ б. іезуитскомъ костелѣ, имѣется довольно много серебряныхъ приношеній (vota), можно полагать, что іезуиты своей цѣли отчасти достигли...

Характерный эпизодъ въ такомъ же родѣ произошелъ съ „литератской архиконфратерніей“ въ царствованіе короля Яна-Казимира.

„Литератская архиконфратернія“, существующая и въ настоящее время, была основана въ 1540 году въ видѣ братства изъ грамотныхъ людей, именовавшихся въ то время „literati“. Цѣлью братства была общая молитва. Оно существовало сначала при костелѣ св. Георгія, но во время перваго шведскаго нашествія костелъ этотъ, стоявшій внѣ стѣнъ Варшавы, былъ разоренъ, и братство въ 1657 году перешло въ костелъ св. Іоанна. Іезуитамъ не понравилось, что у ихъ конкурентовъ увеличилось число пасомыхъ. Были пущены въ ходъ всякія средства, чтобы перетянуть братство въ іезуитскій костелъ. Іезуиты постарались пріобрѣсти расположеніе нѣкоторыхъ „литератовъ“, и въ средѣ братства начались раздоры: одни стали уговаривать перейти къ іезуитамъ, другіе предпочитали ксендзовъ капитула св. Іоанна. Іезуиты обратились за протекціей къ королю, который въ то время за ними очень ухаживалъ. Король высказался въ пользу перехода братства въ костелъ Пресвятой Дѣвы Милостивой, но раздоры „литератовъ“ не прекратились. Дошло до того, что часть ихъ ушла обратно въ кафедральный костелъ, и образовалось двѣ „литератскихъ конфратерніи“, впрочемъ—не надолго. „Конфратернія“ при костелѣ св. Іоанна была гораздо многочисленнѣе, и подчинившіеся іезуитамъ „литераты“ въ концѣ концовъ тоже ихъ покинули.

Когда появились піары, избравшіе своей спеціальностью обученіе молодежи и устроившіе свои „благочестивыя школы“ (scholae pieae) на углу Долгой и Медовой ул. (нынѣшніе дома №№ 13 и 15 на Долгой ул. и №№ 22 и 20 на Медовой), іезуиты начали съ ними упорную борьбу, въ которую втянули и обучавшееся въ ихъ коллегіи (на ны-

нѣшней Іезуитской ул.) юношество: при встрѣчахъ на улицахъ и на паломничествахъ въ лоретанскій костелъ Пресвятой Богородицы на Прагѣ воспитанники іезуитовъ нападали на учениковъ шаровъ, и происходили жестокія драки, доходившія до кровопролитія.

Какъ мы упоминали уже выше, оо. іезуиты для увеличенія своихъ достатковъ занимались даже виноторговлей. Въ ихъ обширныхъ погребахъ хранились старыя вина, и продажа ихъ приносила іезуитамъ большую выгоду. Когда же іезуитскій орденъ прекратилъ свое существованіе, іезуитской виноторговлей занялся кс. Стефанъ Лускина, редактировавшій въ то же время „Варшавскую газету“. Ксендзь-редакторъ содержалъ на Старомъ Мѣстѣ трактиръ съ продажей вина на кварты, гарницы и стаканы. Помощникомъ Лускины состоялъ свѣтскій іезуитъ, братъ Косцеша, бывшій іезуитскій „рефектарій“, пріобрѣвшій въ этой должности большую опытность по винной части.

Н. О. Анаѣмовъ.

